

Ученый горожанин: кто приносит природу в наш дом?

Максимилиан Неаполитанский

Введение

История отношений городского и природного пространства обширна. Эту историю невозможно представить без участия науки – как практики материализации знаний, фактора развития технологий и инструмента накопления данных о мире. Первые города были и местами «первой» науки – центрами ранней учености, предполагающей универсальность в изучении окружающего космоса. Интеллектуалы греческого полиса от Фалеса до Аристотеля совмещали стремления к теоретическому и философскому знанию и наблюдения за материальным – природным – миром [Розин, 2009]. Греческий полис был ограниченной средой, гармонично растворяющейся в окружающих его стихиях леса, горы или моря – имманентных ему пространствах [Делёз, Гваттари, 1998, с. 102].

Здесь можно наблюдать первичную параллельность развития города и науки: город еще не был радикально отчужден от природы, а у науки еще не было задачи эту природу возвращать и представлять. «Ученый» и его знания о природе встраивались в космологию и натурфилософские системы. Это заметно на примере картографии, которая прошла путь от архаичной науки до сложной инновационной дисциплины, определяющей жизнь горожан и практики их навигации в городском и природном ландшафте: «Архаичное, древнее и средневековое картографирование было основано, так или иначе, на религиозно-мифологическом когнитивном фундаменте; картографическое знание предполагало прямую связь между образами богов, божественного и священного, космологическими и космогоническими мифами и устройением земной поверхности вкуче с облакающим ее космосом» [Замятин, 2022, с. 197].

Отношения города, природы и науки меняются с началом Нового времени и научными революциями. Как замечает Дж. Шустер, предлагая периодизацию научных революций, их завершительный этап был связан с обособлением натуральной философии и все большим признанием бэконовской идеи эксперимента, ориентированной на важность эмпирических наблюдений [Schuster, 2013, р. 86; Шиповалова, 2018].

Нововременная наука, породившая то самое разделение на политику (общество) и науку (природу) [Латур, 2006, с. 225], а также утвердившая ценность объективности, прогресса и рациональности, совпа-

Неаполитанский Максимилиан Сергеевич, исследователь современной философии, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.
E-mail: mknea@mail.ru

Автор анализирует отношения науки и города, в которых наука выступает оператором природы. С ориентацией на проблемы публичной научной коммуникации проводится исследование того, какую роль в этих отношениях играет ученый. Выдвигается тезис о том, что в коммуникации природного (натурального) и городского (культурного) ученый занимает амбивалентную позицию. С одной стороны, ученый выступает «представителем» природы – тем, кто вещает от лица фактов, имея доступ к объективному и натурализованному знанию. Будучи городским жителем, ученый участвует в процессах репрезентации природного мира и влияет на то, какой будет природа для города. С другой стороны, ученый задействован в создании инновационной, «технической» природы самого города, предполагающей использование техники, аппаратов, интерфейсов, лабораторий и систем записей. Город как место инноваций закрепляет городскую идентичность ученого, создавая разрыв между его «стремлением» к природе, которое является обязательным в общественных представлениях о науке, и его встроенностью в технологические процессы. Анализируя этот разрыв, автор обращается к исторической составляющей научной и городской жизни, используя идеи социолога Бруно Латура и ряда других авторов. Итогом исследования становится тезис о важности рефлексивного изменения режимов природно-городского континуума, способных благотворно влиять на отношения природы, города, технологий, науки и человека.

Ключевые слова: природа; техника; публичная научная коммуникация; философия науки; городские исследования; репрезентация

Цитирование: Неаполитанский М. С. (2024) Ученый горожанин: кто приносит природу в наш дом? // Городские исследования и практики. Т. 9. № 2. С. 15–22. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp92202415-22>

дает с состоянием современного города: город как машина роста, машина развития, идеалы для которого подобраны классическим рационализмом [Вахштайн*, 2014, с. 12]. Город Нового времени отчуждается от природы, дозированно предоставляя к ней доступ своим жителям. Природа есть в парках или садах, спроектированных инженерами, архитекторами и урбанистами [Паяль, 2019]. Доступ к природе можно получить, выехав за город, например, на выходных, потому что ученые, твердящие о здоровье человека, утверждают пользу подобных практик, что также закрепляет тождество природного, жизненно-го и здорового [Мортон, 2022, с. 196].

Опыт природных и исторических катастроф, стихийный характер которых и крайне разрушительные последствия развенчали миф о рациональном и все-сильном городе, потребовал снять или сместить различия между городским и природным ландшафтами. Современный город стремится к увеличению присутствия природы на своей территории, точно так же как город модерна выталкивал природное за город – от рекреационных пространств до животного мира. И снова авторитетная позиция ученого и эксперта оказывается в этом процессе крайне значимой – за счет популяризации образа ученого как авторитета и источника инновационных сведений по организации гармоничной и сбалансированной городской среды [Бауэр, Белл, 2018, с. 176].

Выступая агентом публичной научной коммуникации, ученый влияет на представления городских жителей о природе [Шиповалова, 2021]. То есть ученый находится в центре практик репрезентации природы и влияет на концептуальную метафорику описания отношений города и природы, например, через описание дома как многосоставного техноэкологического модуля, связанного сетями и интерфейсами, или имплементируя в дискурс о городе метафору киборга, предполагающую комбинацию *биологического* и *технологического* [Вилейкис, Ханова, 2021, с. 11].

Положение ученого как оператора природы в городском пространстве двойственно: с одной стороны, ученый выступает «представителем» природы – тем, кто вещает от лица фактов, имея доступ к объективному и натурализованному знанию. Будучи городским жителем, ученый участвует в процессах репрезентации природного мира и влияет на то, какой будет природа для города. В этом смысле он выступает своего рода самозванным *союзником* природы, способным объяснить, проинтерпретировать или узаконить ее «поведение».

С другой стороны, ученый задействован в создании инновационной природы самого города, предполагающей использование техники, аппаратов, интерфейсов, лабораторий и систем записей. Тут ученый уже не союзник природы, а тот, кто ее покоряет, умиряет и использует для поиска необходимых ресурсов. Эти две стороны научной жизни объ-

ясняют то напряжение, которое возникает между городским и природным континуумом, а также показывают, какие есть возможные пути для их обновленных сонастроек.

Ученый как союзник природы

Как наука живет в обществе? Это важнейший вопрос для публичной научной коммуникации, которая связывает научные и технократические процессы, общество и часто – природу. Этот вопрос, безусловно, предполагает рассмотрение ученого в качестве собирательного образа, который в общественном сознании имеет свои определенные черты – человек, окруженный микроскопами и колбами, в белом халате, который он надевает после сложной экспедиции, например, в дождливые леса Амазонки, где происходил поиск неизвестных до недавнего времени микроорганизмов [Петро, 2007].

Несмотря на то что природы становится все меньше, а мегаполисов все больше [Джекобс, 2011], ученый остается тем, кто «выезжает» на природу. Его деятельность предполагает экспедиции, сбор органического материала, препарирование живых или неживых организмов в лаборатории: «ученый стоит рядом с приборами, где факты говорят якобы сами за себя – так как влияют на показания прибора. Однако факты не имеют голоса, и ученый интерпретирует для нас то, что говорят факты» [Хархордин, 2006, с. 47]. Он выступает представителем природы, союзником и тем, кто способен описать ее законы, – городскому жителю ученые «доставляют» прогнозы погоды, предупреждают о надвигающихся природных катаклизмах и бедствиях, говорят об экологической ситуации. С одной стороны, это влияет на особое состояние ответственности ученых перед городом, в котором связывается природный, политический, футурологический и концептуальный опыт науки [Латур, 2019], а с другой – это предполагает три модуса упорядочивания, на которых и строится образ, описанный выше.

В рамках публичной научной коммуникации, которая обычно совершается в городском пространстве (аудитория университета, зал для популярных лекций), ученым устанавливается следующая схема: первый ее элемент – порядок природы, чьи законы предстоит расшифровать; затем идет упорядоченная наука, ее нужно представить обществу; после – порядок города, который способен полученные знания обработать и продуктивно использовать. Несмотря на то что эти модусы не теряют своей общественно-риторической силы, они часто подвергаются критике.

Например, Бруно Латур, предлагая критику «двухпалатной системы» модерна, указывает на значение поиска альтернатив ценности порядка в природе и человеку, а Джон Ло завершает свою книгу о научном хаосе следующими словами: «После раз-

* Признан иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента.

деления универсального нам необходимы совершенно другие метафоры, чтобы составить представление о своих мирах и своей ответственности перед ними. Локальности. Своеобразия. Реализации. Множественности. Дробности. Блага. Резонансы. Собрания. Формы изготовления. Процессы плетения. Спирали. Вихри. Неопределенности. Сгущения. Танцы. Формы воображаемого. Страсти. Интерференции. Вот некоторые метафоры для работы с методом» [Ло, 2015, с. 320].

Попытка разделить универсальное может быть предпринята и в отношении города, чьи локальные практики требуют такой же локальной концептуализации и отказа от образа города как эксклюзивного места великих свершений духа, возвышенного созерцания и исключаящих практик, которые часто появлялись у философов и исследователей, решивших осмыслить город [Подорога, 2022, с. 98].

Сама природа также мешает ученым установить строгий порядок, который можно было бы легко импортировать в город. Это давняя часть истории отношений города, природы и науки, условное начало которой можно обозначить точкой Лиссабонского землетрясения 1755 года, потрясшего идеалы эпохи Просвещения и вдохновившего Иммануила Канта временно принять амплу публичного ученого и успокоить жителей Кенигсберга, убедив, что катастрофа не повторится в их городе [Кант, 1994]. Землетрясение не только разрушило крупнейшую столицу своего времени, но и поставило новые вопросы перед наукой и философией – например, о возможности договора с природой [Serres, 1995, p. 111].

Подобные события сопровождают историю крупных городов [Глейзер, 2022], создавая инфраструктурные коллапсы и провоцируя невозможность научного решения проблем, которые связаны не просто с эпистемологическим и материально-дискурсивным беспорядком в науках, а с целостным переживанием городской и природной реальности как темной, опасной и ломающей привычный ход жизни [Такер, 2017, с. 115].

Примером тут может быть и ураган «Катрина» в Новом Орлеане, и авария на Фукусиме, которая часто репрезентируется в литературе именно как природно-политическая катастрофа [Секигути, 2023, с. 76], связавшая в себе не только противостояние стихии и технологий, но и сложный комплекс научных, идеологических и экологических апорий, чье решение подоспело слишком поздно и не смогло удержать установленный порядок. В чрезвычайной ситуации от ученого требуется объяснение, почему природа, с которой он был союзником, внезапно вышла из-под контроля.

Эта точка отношений города и природы демонстрирует, что заключение стабильного «пакта» с ней, поиск *Номоса* Земли [Latour, 2017, p. 120], появления надежных экологических медиумов возможны лишь в потенциальности, ориентированной на те онтологические основания, которые предполагают подчи-

нение и усмирение природы как глобального актора, лишь изредка покидающего состояние плазмы [Латур, 2020, с. 332] и напрямую заявляющего о своем присутствии.

Данная проблематика возникает, когда мы говорим о позиции ученого как «представителя» природы, способного с ней договориться, а также «приносящего природу в город», у которого есть и инструменты публичной коммуникации – научно-популярные СМИ, социальные сети, книги, подкасты, журналы и тупики в этой коммуникации, касающиеся всплеск общественного недоверия к науке, выражающегося, например, в идеологии экологического скептицизма [Блинов, Савченко, 2019]. Позиция представительства возникает на пересечении практик репрезентации науки и социально-политического пространства восприятия, которое есть в городе. Стремление к порядку и универсальности является его важной частью, несмотря на поиск альтернатив различными авторами.

Помимо упомянутых Латура и Ло, исследовательница философии и нового материализма Донна Харауэй предложила идею Терраполиса – запутанного природно-технологического пространства обитания и политик заботы, в котором город не отчужден от природы и нечеловеческих существ, которые его населяют. Харауэй говорит об изменении городской картографии и инфраструктуры за счет союзов с голубями, бездомными собаками и другими исключенными акторами. Ученый Терраполиса для Харауэй – не тот, кто связывает различные порядки для создания еще большего порядка, который был бы приближен к гетеротопии и онтологической дискретности, но тот, кто интегрирует различные политики в город, направленные на создание тентакулярных пространств и территорий межвидовых общностей. В этом смысле проект Харауэй похож на другие проекты, расширяющие привычные рамки дискурса исследований города – будь то феминистский город, темный город, лесной город и т. д.

Ученый как городской новатор

Город является итогом материализации научного знания, чей образ вписывается в привычное представление об отношениях науки и общества: «применение строгого научного метода, подстрахованное коллективным скептицизмом научного сообщества, дает знание, а применение знания дает технику» [Писарев, 2022]. В этом смысле город является городом инноваций – какими бы несовременными они ни были.

Прочный союз городского и технического появился еще с первых городов, которые были оснащены системами орошения и связаны с ремесленным производством, мастерскими, технологиями возведения стен для защиты от внешнего врага и т. д. Техника здесь понимается в самом широком смысле – и как *технэ*, и как *поэзис*. В отличие

от природы, технику не нужно «приносить», не нужно говорить от ее лица – она сама выступает инструментом репрезентации, который помогает в исследовании, картографировании и эксплуатации городского и природного пространства.

Помимо этого и также в отличие от природы, техника не прошла путь онтологизации, который бы породил традицию философии техники – в том виде, в котором есть философия природы, чья история простирается от Парменида до Джейн Беннет. Сейчас в гуманитарных исследованиях существуют различные интерпретации истории техники.

Например, хайдеггерская интерпретация подразумевает дискурс упадка технического, которое прошло путь от *поззиса* как практики создания новизны до наличного опустошенного *технэ*, и именно в этом виде повлияло на забвение подлинного бытия [Хайдеггер, 1993]. Жильбер Симондон, а за ним Бернар Стиглер, напротив, предлагают рассматривать технику как то, что не захватывало, а исключалось из дискурса науки и философии, в том числе из-за гилеморфической системы, установленной античной рабовладельческой системой [Simondon, 2005, p. 58]. В этом для Симондона выражалась связь организации городской жизни и теорий, со времен Античности строго разделяющих материю и форму: становление гилеморфизма предполагало, что есть хозяин, который дает задание, и есть раб, исполнитель, который отдает ему итоговый продукт: изделие, технический объект, какой-либо товар на продажу; иными словами, есть приказ со стороны формы и исполнение со стороны материи [Делёз, Гваттари, 2010, с. 619]. Современный гонконгский философ Юк Хуэй продолжает линию Симондона и Стиглера, предлагая проект западного понимания техники, которое строится на принципах мультинатурализма и космотехничности, объединяющей природное и рукотворное [Хуэй, 2023, с. 41].

Так или иначе, в отношении техники, несмотря на различие позиций, остается неизменным тезис о том, что она является итогом определенных материализаций – природных и культурных, которые меняют состояния внутреннего и внешнего. Техника является овнешнением, и в этом смысле именно город предстает пространством, которое собирает в себе итоги таких процессов: изобретение геометрии, развитие письменности, разработку законов и другие *техники*. Безусловно, есть и фигура, которая эти процессы запускает, – изобретатель, инженер, архитектор, планировщик, исследователь, ремесленник и, в конце концов, ученый, образ которого обычно объединяет различные аспекты технического производства.

Ученый, как и город, всегда связан с техникой, измерительными приборами и аппаратами исследований, позволяющими достичь точности наблюдения, действуя на расстоянии. Ученые, как агенты городских (социальных) институтов науки, являются монополистами технического, которое организует

свои формы власти. Как замечает Латур, «греки по своему обыкновению предлагают лучшую мифологию действия на расстоянии с помощью тщательно сконструированных форм. Именно Фалесу приписывают изобретение геометрии, когда он, не желая взбираться на пирамиду Хеопса, «просто» измерил тень крепко воткнутой в землю палки. Его теорема (сама суть властных объяснений) открыла возможность владеть всеми пирамидами (существующими, теми, которые будут построены, и теми, которые не будут построены никогда) посредством несложных вычислений. То, чем мы так восхищаемся в греческом чуде, – это переворот отношений власти: самые слабые, крошечные люди, у которых есть только тени и бумажные формы, становятся сильнее древних могучих египтян с их тяжелыми каменными пирамидами. Владеть формами равносильно тому, чтобы владеть всем остальным. <...> Теоремы – не единственная техника, обеспечивающая подобные перестановки [Латур, 2012].

Переворот отношений власти становится возможным за счет техники, он меняет конфигурации науки, города и природы. Городская идентичность ученого является в первую очередь технической идентичностью, инновационной и эмпирической. Ученый как тот, кто интерпретирует «немую» природу и выступает ее союзником, расшифровывая объекты и факты, делает это с помощью рукотворной техники.

Разрыв природы и техники описывали многие авторы, но в контексте городских исследований это затрагивает двойственность позиции самого ученого. Тавтологично можно сказать, что самые высокие технологии необходимы ему для раскрытия самой «натуральной» природы и объективных порядков, репрезентация которых невозможна без технического оснащения: систем записей, интерфейсов, связи, печати, жестких дисков, карт, глобусов и вычислительных машин. В общем, ученый должен принести науку в наши квартиры, но сделать это с помощью техники, которая природе противостоит, вытесняя естественное «культурными» инструментами.

Ученый также задействован в создании технической, инновационной и цифровой «природы» самого города – сложной конгломерации различных уровней, инфраструктура которого включает системы связи, безопасности, транспорта, коммуникации, наблюдения, потребления и производства. Современные города переполнены большими и малыми перформативно-эпистемологическими машинами, которые «производят данные, знания, гипотезы, теории, понятия и воплощают многие из них в жизнь через практики, нормы, режимы и материальные объекты» [Писарев, Гавриленко, 2020]. Идеи «умного города» и «удобного города» предполагают именно такую «переполненность».

У городских интернет-пользователей и людей, несвязанных с наукой непосредственно, появляется все больше возможностей для взаимодействия с глобальными системами городской и планетар-

ной репрезентации. Например, Google Earth, открывая который «мы видим в голубом, зеленом, белом и коричневом цветах дневную сторону нашей планеты с расстояния 11 000 км, выглядящей как светящийся шар на фоне крошечной тьмы космоса. Это не только земной шар, который описывали Соократ, Цицерон, Макробий, фон Браун, а теперь изображенный в цифровом и двухмерном виде, но еще и географическая информационная система с более чем 20 петабайтами геоданных, что эквивалентно учебнику объемом 10 000 млрд страниц. Вся эта информация извлекается за считанные секунды, по мере того как пользователь прокладывает путь вокруг Земли или спускается к ней, изображения обновляются 50 раз в секунду» [Берг, 2023], как замечает Томас Берг. Город также зумируется и информационно обрабатывается, доступ к нему в таком формате – итог научной работы, которая картографирует и анализирует реальные и виртуальные пространства; «реализация любого проекта, созданного в аналоговой или цифровой среде, связана с проявлением власти» [Патимова, 2021] – и в данном случае эта власть научная.

Инновационная «природа» города предполагает также отчуждение внегородской природы и ее появление в специально организованных природных очагах: «зеленый город» предполагает и «зеленые технологии», которые связаны с современным восприятием природного мира как *иного*, несимметричного и отдаленного, что следует *привнести*. Городская идентичность ученого позволяет ему «наслаждаться» природой, совершать природный десант, чтобы не терять связи с «объективным миром» и натурализованным знанием.

Так, например, по наблюдению Люси Тума, Руссо и Гёте открыли для себя горные регионы, отличающиеся скудостью и бедностью, они путешествовали и восхищались прекрасной невинностью пейзажей, ландшафта, людей; описания «чистоты» местных жителей, их «естественного стремления к труду», «девственной простоты» и «неиспорченной дикости» работают по принципам создания Другого, экзотизма и колониальной практики – «природа и люди внутри нее становятся источником эстетического наслаждения, которое возможно только в том случае, если зритель выводит себя за пределы картины, одновременно образуя свою современную городскую идентичность» [Тума, 2021]. Техника играет немаловажную роль в этом и влияет на создание образа *той самой единственной природы* для города и ученого [Латур, 2018, с. 39].

Заключение

Итак, были показаны две стороны положения ученого: представительство и использование, репрезентация и покорение, природная идентичность и техническая, потребность покидать город, но невозможность осуществлять деятельность за его пределами. Эти две стороны научной жизни объяс-

няют то напряжение, которое возникает между городским и природным континуумом.

Вопрос о возможном обновлении их соностроек затрагивает в первую очередь мировоззренческие, онтологические установки, которые влияют на то, каким образом мы разделяем или связываем природу и город. Это включает в себя и аналитику рисков – технологических и естественных, которые объединяет стихийность и непредсказуемость. Техника тоже может быть *катастрофичной*.

Примером тут может служить южнокорейский город Сонгдо, спроектированный и построенный корпорацией CiscoSystems. Как пишут Руслан Хестанов и Александр Сувалко, его опыт показал, что «внедрение новейших технологий не гарантирует, что в городе пожелают жить люди. Сонгдо был сконструирован так, что все его алгоритмы были организованы в логике систем и подсистем с иерархической архитектурой. Абстрактный конструктивизм не предусматривал <...> эстетически заряженной среды, пространства контингенции, образующего контур удовольствия» [Хестанов, Сувалко, 2022]. В этом смысле «каждый алгоритм смертен. Смерть алгоритма запрограммирована его конечностью, то есть ограниченностью допустимых внутри алгоритма операциональных различий. Угроза открывается не технологиями, но вторжением абстрактных систем в городскую среду» [Там же].

В отличие от техники, природа не может умереть. Этот факт лишь подкрепляет силу ученого: «Когда мы апеллируем к понятию природы, объединение, которое она узаконивает, значит бесконечно больше, чем онтологическое качество “природности”, происхождение которого она гарантирует» [Латур, 2018]. Вероятно, в случае исчезновения городов и культур техника будет молчать, тогда как множественность природы, камней и геологических слоев заговорит в полной мере – уже без своих медиаторов и репрезентаций.

Двойственность позиции ученого, безусловно, включает перечень тех проблем, которые были описаны выше, но также открывает и свои концептуальные перспективы, меняя привычные вопросы – например, не «Кто приносит природу в наш дом?», а «Что расскажут камни о нашем наследии?», как гласил знаменитый вопрос Яна Заласевича [Заласевич, 2022, с. 274]. Изменения отношений города и природы, науки и общества на фоне глобальных политических, социальных и экологических трансформаций еще предстоит осмыслить в полной мере.

Источники

- Бауэр М., Белл Э., Борхельт Р. (2018). Пособие по общественным связям в науке и технологиях. М.: Альпина нон-фикшн.
- Берг Т. (2023). Театр мира. История картографии. М.: Ад Маргинем.
- Блинов Е., Савченко И. (2019). Бруно Латур против климатического скептицизма: миссия ученого и кризис политических учреждений // Философский журнал. № 4. С. 70–84.

- Вахштайн В. (2014). Пересборка города: между языком и пространством//Социология власти. № 2. С. 9–38.
- Вилейкис А., Ханова П. (2021). Город – гиперобъект. Введение//Городские исследования и практики. № 4. С. 7–16.
- Глейзер Э. (2022). Живучесть городов//Городские исследования и практики. № 2. С. 129–155.
- Делез Ж., Гваттари Ф. (2010). Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. (1998). Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Джекобс Д. (2011). Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство.
- Заласевич Я. (2022). Земля после нас: Что расскажут камни о наследии человека? СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Замятин Д. (2022). Онтологии картографии: географическое воображение и планетарность//Логос. № 6. С. 183–202.
- Кант И. (1994). О причинах землетрясений//Собр. соч.: в 8 т. М.: ЧОРО. Т. 1. С. 333–342.
- Латур Б. (2019). Где приземлиться? Опыт политической ориентации. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Латур Б. (2012). Политика объяснения: альтернатива//Социология власти. № 8. С. 113–143.
- Латур Б. (2006). Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Латур Б. (2020). Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Латур Б. (2018). Политики природы. Как привить наукам демократию. М.: Ад Маргинем.
- Ло Дж. (2015). После метода: Беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Института Гайдара.
- Мортон Т. (2022). Род человеческий. Солидарность с нечеловеческим народом. М.: Издательство Института Гайдара.
- Патимова П. (2021). Город. Мифы, природа и насилие//Городские исследования и практики. № 4. С. 17–25.
- Паяль А. (2019). Переосмысление досуговых цифровых сетей с помощью глобальных городов: метафорический взгляд//Логос. № 1. С. 85–129.
- Петров М. (2007). Образы науки и ученого в общественном сознании//Epistemology & Philosophy of Science. № 3. С. 222–237.
- Писарев А. (2022). Картографируя новую материальность: навигационные установки и картины мира//Логос. № 6. С. 159–182.
- Писарев А., Гавриленко С. (2020). В поисках ускользающего объекта: наука и ее история//Логос. № 1. С. 1–28.
- Подорога В. (2022). Возвышенное. После падения. Краткая история общего чувства. М.: Новое литературное обозрение.
- Розин В. (2009). О философских предпосылках античной науки//Epistemology & Philosophy of Science. № 2. С. 13–31.
- Секигути Р. (2023). Нагори. Тоска по уходящему сезону. М.: Ад Маргинем.
- Такер Ю. (2017). В пыли этой планеты. Пермь: Гиле Пресс.
- Тума Л. (2021). Касание ландшафта и размещенная магия//Syg.ma. Режим доступа: <https://syg.ma/@geograf-smirnoff/liusi-tuma-kasanie-landshafta-i-razmieshchionnaia-maghiia> (дата обращения: 26.03.2024).
- Хайдеггер М. (1993). Вопрос о технике//Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика. С. 221–238.
- Харауэй Д. (2021). Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в хтулцене. Пермь: Гиле Пресс.
- Хархордин О. (2006). Предисловие редактора//Латур Б. Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 5–56.
- Хестанов Р., Сувалко А. (2022). Кто принимает решения в умном городе//Городские исследования и практики. № 1. С. 7–21.
- Хуэй Ю. (2023). Вопрос о технике в Китае. Эссе о космотехнике. М.: Ад Маргинем.
- Шиповалова Л. (2018). Научная революция – разрыв с прошлым или его возобновление? О двусмысленном ответе современной историографии//Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. № 45. С. 47–57.
- Шиповалова Л. (2021). Судьба визуализаций в публичной научной коммуникации: между действием и представлением//ИРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics. № 4. С. 273–292.
- Latour B. (2017). Facing Gaia: Eight lectures on the new climatic regime. Hoboken: John Wiley & Sons.
- Schuster J. (2013). Descartes-Agonistes: Physico-mathematics, Method & Corpuscular Mechanism 1618–1633. London: Springer.
- Serres M. (1995). The Natural Contract. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Simondon G. (2005). L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Editions Jérôme Millon.

URBAN SCIENTIST: WHO BRINGS NATURE INTO OUR HOME?

Maximilian S. Neapolitanskiy, researcher in contemporary philosophy, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University (SPbSU), 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
E-mail: mknea@mail.ru

This article analyzes the relationships between science and the city, where science acts as an operator of nature. Focusing on public scientific communication, the study explores the role of the scientist in these relationships. A thesis is proposed that in the communication about the natural and urban (cultural), the scientist holds an ambivalent position. On the one hand, the scientist acts as a “representative” of nature—speaking on behalf of facts and having access to objective and naturalized knowledge. Being an urban resident, the scientist participates in the representation of the natural world and influences what nature is for the city. On the other hand, the scientist is involved in creating the innovative, technical nature of the city itself, implying the use of technology, devices, interfaces, laboratories, and recording systems. The city, as a place of innovation, solidifies the urban identity of the scientist, creating a gap between his aspiration for nature, which is mandatory in the public perceptions of science, and his technocratic embeddedness. Analyzing this gap, the author turns to the historical component of scientific and urban life, using the ideas of the sociologist Bruno Latour and several other authors. The study concludes with a thesis on the importance of reflexive change in the regimes of the natural-urban continuum, which can benefit the relationships between nature, the city, technology, science, and humans.

Keywords: nature; technology; public scientific communication; philosophy of science; urban studies; representation

Citation: Neapolitan M.S. (2024) Urban Scientist: Who Brings Nature into Our Home? *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 2, pp. 15–22. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp92202415-22>

References

Bauer M., Bell E., Borkhelt R. (2018). Posobie po obshchestvennym svyazyam v nauke i tekhnologiyakh

- [A Guide to Public Relations in Science and Technology]. Moscow: Alpina Non-Fiction. (in Russian)
- Berg T. (2023). Teatr mira. Istoriya kartografii [Theater of the World. A History of Cartography]. Moscow: Ad Marginem. (in Russian)
- Blinov E., Savchenko I. (2019). Bruno Latour protiv klimaticheskogo skeptitsizma: missiya uchenogo i krizis politicheskikh uchrezhdeniy [Bruno Latour Against Climate Skepticism: The Scientist’s Mission and the Crisis of Political Institutions]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophical Journal], no 4, pp. 70–84. (in Russian)
- Deleuze G., Guattari F. (1998). Chto takoe filosofiya? [What is Philosophy?] M.: Institut eksperimental’noy sotsiologii; St. Petersburg: Aleteya. (in Russian)
- Deleuze G., Guattari F. (2010). Tsyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Yekaterinburg: U-Faktoriya. (in Russian)
- Gleizer E. (2022). Zhivuchest’ gorodov [Gleizer E. (2022). The Resilience of Cities]//Gorodskiy issledovaniya i praktiki [Urban Studies and Practices], no 2, pp. 129–155. (in Russian)
- Haraway D. (2021). Ostayas’ so smutoy: Zavodit’ sorodichey v khtulutsene [Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene]. Perm: Hyle Press. (in Russian)
- Heidegger M. (1993). Vopros o tekhnike [Heidegger M. (1993). The Question Concerning Technology]. *Vremya i bytie: Stat’i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow: Respublika. (in Russian)
- Huei Y. (2023). Vopros o tekhnike v Kitae. Esse o kosmotehnike [Huei Y. (2023). The Question of Technology in China. An Essay on Cosmotechnics]. Moscow: Ad Marginem. (in Russian)
- Jacobs J. (2011). Smert’ i zhizn’ bol’shikh amerikanskikh gorodov [The Death and Life of Great American Cities]. Moscow: Novoye Izdatel’stvo. (in Russian)
- Kant I. (1994). O prichinakh zemletryaseniy [On the Causes of Earthquakes]. *Sobr. soch.: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vol.] Moscow: CHORO, vol. 1, pp. 333–342. (in Russian)
- Kharkhordin O. (2006). Predisloviye redaktora [Kharkhordin O. (2006). Editor’s Preface]. Latour B. *Novogo vremeni ne bylo: esse po simmetrichnoy antropologii* [We
- Have Never Been Modern: Essays on Symmetrical Anthropology]. St. Petersburg: Izdatel’stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge [Publishing House of the European University at St. Petersburg], pp. 5–56. (in Russian)
- Khestanov R., Suvalko A. (2022). Kto prinimayet resheniya v umnom gorode [Khestanov R., Suvalko A. (2022). Who Makes Decisions in a Smart City]. *Gorodskiy issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], no 1, pp. 7–21. (in Russian)
- Latour B. (2017). Facing Gaia: Eight lectures on the new climatic regime. Hoboken: John Wiley & Sons.
- Latour B. (2019). Gde prizemlit’sya? Opyt politicheskoy orientatsii [Where to Land? An Experience of Political Orientation]. St. Petersburg: Izdatel’stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge [Publishing House of the European University at St. Petersburg]. (in Russian)
- Latour B. (2020). Peresborka sotsial’nogo. Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [Latour B. (2020). Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network Theory]. M.: Izdatel’skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki [Publishing House of the Higher School of Economics]. (in Russian)
- Latour B. (2012). Politika ob’yasneniya: alternativa [Politics of Explanation: An Alternative]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], no 8, pp. 113–143. (in Russian)
- Latour B. (2006). Novogo vremeni ne bylo: esse po simmetrichnoy antropologii [There Was No Modern Era: Essays on Symmetrical Anthropology]. St. Petersburg: Izdatel’stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge [Publishing House of the European University at St. Petersburg]. (in Russian)
- Latour B. (2018). Politiki prirody. Kak privit’ naukam demokratiyu [Politics of Nature. How to Bring the Sciences into Democracy]. Moscow: Ad Marginem. (in Russian)
- Lo J. (2015). Posle metoda: besporiyadok i sotsial’naya nauka [After Method: Mess in Social Science Research]. Moscow: Izdatel’stvo Instituta Gaydara [Gaidar Institute Press]. (in Russian)
- Morton T. (2022). Rod chelovecheskiy. Solidarnost’ s nechelovecheskim narodom [Humankind: Solidarity with the Non-Human People]. Moscow: Izdatel’stvo

- Instituta Gaydara [Gaidar Institute Publishing]. (in Russian)
- Patimova P. (2021). Gorod. Mify, priroda i nasilie [Patimova P. (2021). The City. Myths, Nature, and Violence]. *Gorodskiyе issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], no 4, pp. 17–25. (in Russian)
- Payal A. (2019). Pereosmyslenie dosugovykh tsifrovyykh setey s pomoshch'yu global'nykh gorodov: metaforicheskiy vzglyad [Rethinking Leisure Digital Networks through Global Cities: A Metaphorical View]. *Logos*, no 1, pp. 85–129. (in Russian)
- Petrov M. (2007). Obrazy nauki i uchenogo v obshchestvennom soznanii [Images of Science and the Scientist in Public Consciousness]. *Epistemology & Philosophy of Science*, no 3, pp. 222–237. (in Russian)
- Pisarev A. (2022). Kartografiruya novuyu material'nost': navigatsionnye ustanovki i kartiny mira [Mapping New Materiality: Navigational Settings and Worldviews]. *Logos*, no 6, pp. 159–182. (in Russian)
- Pisarev A., Gavrilenko S. (2020). V poiskakh uskol'zayushchego ob'ekta: nauka i ee istoriya [In Search of the Elusive Object: Science and Its History]. *Logos* [Logos], no 1, pp. 1–28. (in Russian)
- Podoroga V. (2022). Vozvyshennoe. Posle padeniya. Kratkaya istoriya obshchego chuvstva [The Sublime. After the Fall. A Brief History of Common Sentiment]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obzreniye [New Literary Review]. (in Russian)
- Rozin V. (2009). O filosofskikh predposylkakh antichnoy nauki [On the Philosophical Premises of Ancient Science]. *Epistemology & Philosophy of Science*, no 2, pp. 13–31. (in Russian)
- Schuster J. (2013). *Descartes-Agonistes: Physico-mathematics, Method & Copuscular Mechanism 1618–1633*. London: Springer.
- Sekiguchi R. (2023). Nagori. Toska po ukhodyashchemu sezonu [Nagori. Nostalgia for the Departing Season]. Moscow: Ad Marginem. (in Russian)
- Serres M. (1995). *The Natural Contract*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Shipovalova L. (2018). Nauchnaya revolyutsiya – razryv s proshlym ili ego vozobnovlenie? O dvumyslennom otvete sovremennoy istoriografii [The Scientific Revolution: A Break with the Past or Its Renewal? On the Ambiguous Response of Contemporary Historiography]. *Vestnik TGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [TSU Bulletin. Philosophy. Sociology. Political Science], no 45, pp. 47–57. (in Russian)
- Shipovalova L. (2021). Sud'ba vizualizatsiy v publichnoy nauchnoy kommunikatsii: mezhdudеystviem i predstavleniem [The Fate of Visualizations in Public Scientific Communication: Between Action and Representation]. *ИПАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*, no 4, pp. 273–292. (in Russian)
- Simondon G. (2005). *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information*. Grenoble: Editions Jérôme Millon.
- Thacker Yu. (2017). V pyli etoy planety [In the Dust of This Planet]. Perm: Hyle Press. (in Russian)
- Tuma L. (2021). Kasaniye landshafta i razmeshchennaya magiya [Touching the Landscape and Situated Magic]. *Syg.ma*. Available at: <https://syg.ma/@geograf-smirnoff/liusi-tuma-kasaniye-landshafta-i-razmieshchionnaia-maghiia> (accessed 26 March 2024). (in Russian)
- Vakhshayn V. (2014). Peresborka goroda: mezhdudеystviem i prostranstvom [The City's Reassembly: Between Language and Space]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], no 2, pp. 9–38. (in Russian)
- Vileykis A., Khanova P. (2021). Gorod – giperobyekt. Vvedeniye [The City as a Hyperobject. Introduction]. *Gorodskiyе issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], no 4, pp. 7–16. (in Russian)
- Zalasevich Ya. (2022). Zemlya posle nas: Chto rasskazhut kamni o nasledii cheloveka? [The Earth After Us: What Will the Stones Tell About Human Legacy?]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge [EUPress]. (in Russian)
- Zamyatin D. (2022). Ontologii kartografii: geograficheskoye voobrazheniye i planetarnost' [Zamyatin D. (2022). Ontologies of Cartography: Geographical Imagination and Planetarity]. *Logos*, no 6, pp. 183–202. (in Russian)